

— Михаил Сергеевич, вы начинали свою творческую карьеру в 70-х годах как драматический артист. А сейчас вас стали представлять как музыканта и композитора. Вам мало театра? Или вы считаете, что сегодня эстрада — более короткий путь к зрителю?

— Композитором я себя никогда не считал и не считаю. Хотя музыкантом мог стать, закончив музыкальную школу при консерватории, но не хватило терпения и усидчивости. Авторских песен у меня практически нет. Если и было что сочинено, то для “капустников” или творческих вечеров моих коллег — Стрельчика, Владимирова...

— Но ведь в последнее время у вас бывает много своих творческих вечеров, на которых в течение 2—3 часов вы развлекаете публику. А для этого в программе должно быть что-то оригинальное, “вкусненькое”.

— Чаше всего на этих вечерах я исполняю песни из фильмов, мюзиклов, спектаклей, в которых участвовал, но никак не собственные сочинения. Да и зачем, когда есть прекрасная музыка Дунаевского, Гладкова и других?

— Недавно у вас появился еще и свой театр “Бенефис”. Но это же в период кризиса — тяжелая ноша...

— Сегодня есть театральное помещение, которое стоит в лесах, и есть художественный руководитель и директор в одном лице — моем. Спектакли мы пока играем на разных театральных площадках, много теперь выезжаем за рубеж. Первый спектакль “Скамейка” по старой пьесе Александра Гельмана мы сделали на двоих с моей женой. Сейчас все больше привлекаю к сотрудничеству своих друзей и благодаря им недавно показали зрителям Алматы и Караганды постановку “Интимной жизни” Нозля Коурда.

— Почему вы взяли на себя функции директора, неужели не смогли найти менеджера?

— В качестве директора я выступаю только последние два месяца. Мне показалось, что те 10 лет, которые были потрачены на строительство нашего здания, — это слишком много. Поэтому я решил взять все бразды правления в свои руки. К тому же, как выясняется, мне проще разговаривать с людьми, облеченными властью, чем кому бы то ни было

Я ГОТОВ ИГРАТЬ ЧЕРЕП ЙОРРИКА, НО В СИЛЬНОЙ КОМАНДЕ

Михаил БОЯРСКИЙ:

другому.

— И до каких пор артисты будут доказывать свою административную состоятельность?

— До тех пор, пока не пошлют всех подальше и не превратятся в бродячих лицедеев. Я лично не против бродячих трупп, так даже романтичнее. Сели на повозку и поехали, как во времена Шекспира...

— А что вас все-таки “греет” в сегодняшнем театре?

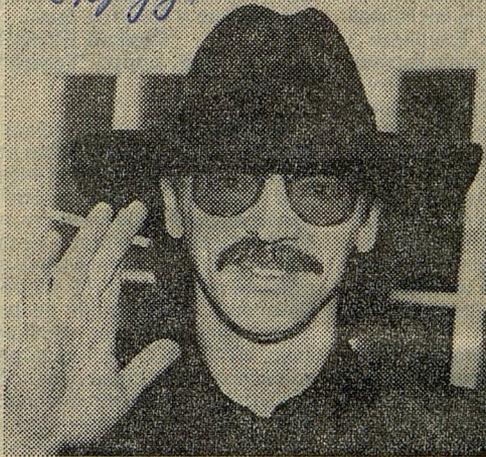
— То, что касается вечных тем. Как ни был в свое время унижен Александр Вампилов, все равно его пьесы “Прошлым летом в Чулимске”, “Старший сын” будут играть всегда, потому что в них отражена истинная жизнь человека. Самое главное в театре — это “глубина чувств и правдоподобие страстей”. Люди, которые занимаются только самовыражением в искусстве, мне неинтересны. Когда играют Чехова или Шекспира, нас в первую очередь интересует совсем не то, как режиссер поставил с ног на голову гениальное произведение. Ты попробуй его прочитать так, как оно написано, дотянуться до уровня мышления классика, а уже потом занимайся всякими там постановочными фокусами.

— Вы поэтому ушли на “вольные хлеба”?

— И поэтому тоже. Но в основном из-за того, что Игорь Владимиров ушел из Театра имени Ленсовета, и там стало пусто. А еще прежде его стены покинули Алиса Фрейндлих и Алексей Петренко. Я предпочитаю работать с сильной командой, где готов играть даже череп Йоррика в “Гамлете”. Мне неоднократно предлагали сыграть Сирано и Гамлета, но как только я узнавал, что коллектив слабенький, тут же отказывался. Сегодня, к сожалению, можно по пальцам пересчитать режиссеров уровня Владимира. Да и в отношении кино тоже не обольщайтесь. Что-то я не припомню за последнее время фильмов, поразивших меня. Разве только картина Чухрая “Вор”...

— Но ведь именно благодаря кино вы стали популярным и лю-

Виллурд - 1998 - 10 ноября - с. 4

бимым артистом.

— Да, это так. И тут мне жаловаться грех. Какие роли были: Дон Сезар де Базан, Д'Артаньян, Тартюф...

— После чего за вами закрепилась слава романтического героя. Скажите, по жизни в вашем характере есть склонность к авантюрам?

— Скорее, нет. Вероятно, сложившемуся имиджу героя “плаща и шляги” способствовали мои внешние данные, которые лихо использовали режиссеры. В жизни я максималист: или все — или ничего. Мне постоянно не хватает свежих впечатлений. Наверное, поэтому так люблю общаться с выдающимися мастерами, которые дают мне новый заряд энергии. Хотя научиться играть так, как они, я, наверное, никогда не смогу. Когда Евгений Павлович Леонов показал мне, как надо исполнить одну из сцен в фильме “Старший сын”, — я обалдел и какое-то время просто не мог ничего сыграть. К сожалению, подобных мастеров не так много осталось. Те молодые, которые сегодня снимаются в кино, в основном думают о коммерческой выгоде.

— А для вас творческий процесс по-прежнему превалирует?

— Начиная тот или иной художественный проект, я вначале думаю о его экономической стороне, но потом, когда погружаюсь в творчество, происходит самопереключение. И я уже думаю только о том, как достичь совершенства. Ведь, по сути, если это очень интересно (как было на фильме “Тартюф”), то можно работать и бесплатно, а деньги зарабатывать другими способами: выступать с концертами, записывать пластинки. Отдавать всего себя театру, получая при этом 400 рублей в месяц, — это удел мужественных, одержимых творчеством. Благодаря им и выживет театр. Спектакль можно играть даже под открытым небом на площади или в подвале при свечах.

— Скажите, такое любовное отношение к театру вы переняли от своей мамы-актрисы?

— Не только мамы, но и папы, брата. Они, можно сказать, были нищими людьми по сегодняшним меркам, жили в коммуналке. Но свое звание артиста несли с достоинством, гордились им, как космонавты — своим. Препятствие старые артисты всегда вызывали во мне чувство зависти: своей эрудицией, высокой культурой, пренебрежением к материальным благам. Когда у них заводились деньги, они курили дорогие сигареты, пили коньяк и не думали о том, что завтра не на что хлеба будет купить.

— Скажите, а вот вас беспокоит, что с вами будет завтра, когда наступит старость?

— Нисколько. С возрастом настоящий артист становится еще интереснее, ведь к нему приходит опыт, мастерство. Ну, вспомните

сами, сколько вы можете смотреть из зала на молодого, красивого артиста, но слабо владеющего своей профессией? Пять, десять минут? А потом начинаете зевать. Театру все возрасты покорны, если исполнитель слышит время, отзывается своим творчеством на него.

— А вот если бы вам предложили сыграть роль депутата... в жизни. Вы бы согласились? Помните, как увлеченно провел эту роль в первом нашем парламенте Олег Базилашвили? Только вот почему-то у него запал прошел...

— Да потому, что понял: люди, приходящие в парламент, прежде всего блодут свои интересы, а уже потом общественные. Я человек аполитичный. Мне безразлично, кто будет у власти, потому что Гамлета можно играть и при Рузвельте, и при Горбачеве, и при Ельцине. Я давно привык к тому, что “мой дом — моя крепость”, и если у меня в семье все будет хорошо, будут друзья, театр и в придачу моя гитара, то я в этой жизни устою. Внутренне я всегда оставался свободным человеком и никогда не нарушал тех заповедей, которые завещаны Богом и нашими родителями. Скажем, я бы никогда не стал сниматься в порнографических фильмах, сколько бы мне ни предлагали денег, потому что у человека должны быть те нравственные границы, которые ни при какой политической системе, ни при каком экономическом кризисе преступать нельзя. За последние годы в моем мироощущении ничего не изменилось: каким был — таким и остался. Только работать стал больше.

— Значит, счастье в труде?

— Нет. Никто еще не знает, да, наверное, и не узнает, что такое счастье. Есть только “покой и воля”, как писал Александр Сергеевич.

Беседа вела
Любовь ЛЕБЕДИНА,
спец. корр. “Труда”.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ —
МОСКВА.